

К.10-359

7

И. А. КРЫЛОВ

БАСНИ

ОГИЗ

ИВГИЗ

1944

100

100

100

100

100

100

100

100

К-10-359.

И. А. КРЫЛОВ

БАСНИ

94

— 2010

ОГИЗ

Ивановское областное
Государственное Издательство
1944

И. А. КРЫЛОВ.

И. А. КРЫЛОВ

Великий русский баснописец Иван Андреевич Крылов родился 13 2) февраля 1768 г. в Москве в семье бедного офицера, после отставки служившего мелким чиновником в Твери. Рано потеряв отца и оставшись без всяких средств к существованию, будущий писатель еще в детстве столкнулся с тяжелой стороной жизни и с девятилетнего возраста вынужден был зарабатывать себе кусок хлеба, служа канцеляристом. Живя в среде, далекой от литературных интересов, не получив никакого систематического образования, Крылов развитием своим обязан был своей необычайной даровитости.

В 17-2 г. он переезжает в Петербург, где живет интересами театра, знакомится с актерами, писателями и отдается литературной деятельности. Первыми произведениями его были пьесы („Кофейница“, „Трумп“, „Модная лавка“, „Урок дочкам“ и др.), направленные против произвола самодержавия, крепостного права, невежества и развращенности дворянства. В своих журналах „Почта духов“ (1789 г.), „Зритель“ (1792 г.), „С.-Петербургский Меркурий“ (1793 г.) он помещает необычайно смелые для того времени повести и статьи, глубокие по общественному смыслу. За это он подвергся притеснениям со стороны правительства и вынужден был несколько лет жить в провинции.

Возвращение в Петербург в 1806 г. и поступление в Публичную библиотеку совпадает с появлением первых басен, ставших с этого времени единственным видом произведений Крылова, доставившим автору мировую славу.

Темы его знаменитых басен самые разнообразны: общечеловеческие пороки и недостатки, вопросы воспитания, философия, политика, история. Общедоступность басенной тематики, недостижимое мастерство формы, меткие характеристики, блестящие диалоги, комизм, чистый, выразительный пословичный язык — обеспечили Крылову небывалую популярность. Главное же достоинство Крыловских басен — их народность, яркое выражение в них существенных сторон русского характера.

В исторических баснях („Волк на псарне“, „Ворона и курица“, „Обоз“), написанных в 1812 г., особенно громко звучит голос поэта-патриота, ободрявшего свой народ в тревожную годину. С исключительной художественностью выразил он чувство национальной обиды и справедливую жажду мщения вторгшемуся врагу.

Поэтому Крылов-патриот нам особенно близок теперь, в дни Великой Отечественной войны. В столетие со дня его смерти (он умер 21(9) ноября 1844 г.) мы, проверяя наше отношение к баснописцу, убеждаемся в справедливости слов Белинского: „Слава Крылова все будет расти и пышнее расцветать до тех пор, пока не умолкнет звучный и богатый язык в устах великого и могучего народа русского“.

ВОРОНА И ЛИСИЦА

Уж сколько раз твердили миру,
Что лесть гнусна, вредна; но только все
не впрок,
И в сердце льстец всегда отыщет уголок.

Вороне где-то бог послал кусочек сыру;
На ель Ворона взгромоздясь,
Позавтракать было совсем уж собралась,
Да позадумалась, а сыр во рту держала.
На ту беду Лиса близехонько бежала;
Вдруг сырный дух Лису остановил:
Лисица видит сыр, — Лисицу сыр пленил.
Плутовка к дереву на цыпочках подходит,
Вертит хвостом, с Вороны глаз не сводит
И говорит так сладко, чуть дыша:
„Голубушка, как хороша!
Ну, что за шейка, что за глазки!
Рассказывать, так, право, сказки!
Какие перышки! Какой носок!
И, верно, ангельский быть должен голосок!

Спой, светик, не стыдись! Что ежели, сестрица,
При красоте такой и петь ты мастерица,
Ведь ты б у нас была царь-птица!"
Вещуньина с похвал вскружилась голова,
От радости в зобу дыханье сперло,—
И на приветливы Лисицыны слова
Ворона каркнула во все воронье горло:
Сыр выпал — с ним была плутовка такова.

ЛАРЧИК

Случается нередко нам
И труд и мудрость видеть там,
Где стоит только догадаться —
За дело просто взяться.

К кому-то принесли от мастера Ларец.
Отделкой, чистотой Ларец в глаза кидался;
Ну, всякий Ларчиком прекрасным любовался
Вот входит в комнату Механики мудрец.
Взглянув на Ларчик, он сказал: „Ларец
с секретом”.

Так, он и без замка;
А я берусь открыть; да, да, уверен в этом;
Не смейтесь так исподтишка!
Я отыщу секрет и Ларчик вам открою:
В Механике и я чего-нибудь да стою".
Вот за Ларец принялся он:
Вертит его со всех сторон
И голову свою ломает;
То гвоздик, то другой, то скобку пожимает.
Тут, глядя на него, иной
Качает головой;
Те шепчутся, а те смеются меж собой.
В ушах лишь только отдается:
„Не тут, не так, не там!" Механик пуще рвется.

Потел, потел; но наконец устал,
От Ларчика отстал
И, как открыть его, никак не догадался:
А Ларчик просто открывался.

ПУСТЫННИК И МЕДЗЕДЬ

Хотя услуга нам при нужде дорогá,
Но за нее не всяк умеет взяться:
Не дай бог с дураком связаться!
Услужливый дурак опаснее врага.

Жил некто, человек безродный, одинокой,
Вдали от города, в глуши.
Про жизнь пустынную как сладко ни пиши,
А в одиночестве способен жить не всякой:
Утешно нам и грусть и радость разделить.
Мне скажут: „А лужок, а темная дуброва,
Пригорки, ручейки и мурава шелкова?“
— „Прекрасны, что и говорить!

А всё прискучится, как не с кем молвить слова“.

Так и Пустыннику тому
Соскучилось быть вечно одному.
Идет он в лес толкнуться у соседей,
Чтоб с кем-нибудь знакомство свести.

В лесу кого набрести,
Кроме волков или медведей?
И точно, встретился с большим Медведем он.
Но делать нечего: снимает шляпу,
И милому соседушке поклон.
Сосед ему протягивает лапу,
И, слово-за-слово, знакомятся они,
Потом дружатся,
Потом не могут уж расстаться
И целые проводят вместе дни.

О чем у них и что бывало разговору,
Иль пресказок, иль шуточек каких,

И как беседа шла у них
Я по сию не знаю пору.
Пустынник был не говорлив;
Мишук с природы молчалив:
Так из избы не вынесено сору.
Но, как бы ни было, Пустынник очень рад,
Что дал ему бог в друге клад.
Везде за Мишей он, без Мишеньки тошнится,
И Мишенькой не может нахвалиться.
Однажды вдумалось друзьям
В день жаркий побродить по рощам, по лугам,
И по долам, и по горам;
А так как человек медведя послабее,
То и Пустынник наш скорее,
Чем Мишенька, устал
И отставать от друга стал.
То видя, говорит, как путный, Мишка другу:
„Приляг-ка, брат, и отдохни,
Да коли хочешь, так сосни;
А я постерегу тебя здесь у досугу“.
Пустынник был сговорчив: лег, зевнул
Да тотчас и заснул.
А Мишка на часах — да он и не без дела:
У друга на нос муха села:
Он друга обмахнул;
Взглянул,
А муха на щеке; согнал, а муха снова
У друга на носу,
И неотвязчивей час-от-часу.
Вот Мишенька, не говоря ни слова,
Увесистый булыжник в лапы сгреб,
Присел на корточки, не переводит духу,
Сам думает: „Молчи ж, уж я тебя, воструху!“
И, у друга на лбу подкарауля муху,
Что силы есть — хватить друга камнем в лоб!
Удар так ловок был, что череп врознь раздался,
И Мишин друг лежать надолго там остался!

КРЕСТЬЯНИН И СМЕРТЬ

Набрав валежнику порой холодной, зимной,
Старик, иссохший весь от нужды и трудов,
Тащился медленно к своей лачужке дымной,
Кряхтя и охая под тяжелой ношей дров.

Нес, нес он их и утомился,

Остановился,

На землю с плеч спустил дрова долой,
Присел на них, вздохнул и думал сам с собой:

„Куда я беден, боже мой!

Нуждаюсь во всем; к тому ж жена и дети,

А там подушное, боярщина, оброк...

И выдался ль когда на свете

Хотя один мне радостный денёк?“

В таком унынии, на свой пеняя рок,

Зовет он Смерть: она у нас не за горами,

А за плечами:

Явилась вмиг

И говорит: „Зачем ты звал меня, старик?“

Увидевши ее свирепую осанку,

Едва промолвить мог бедняк, оторопев:

„Я звал тебя, коль не во гнев,

Чтоб помогла ты мне поднять мою вязанку“.

Из басни сей

Нам видеть можно,

Что как бывает жить ни тошно,

А умирать еще тошней.

ВОЛК И ЯГНЕНОК

У сильного всегда бессильный виноват:

Тому в Истории мы тьму примеров слышим,

Но мы Истории не пишем;

А вот о том как в Баснях говорят.

Ягненок в жаркий день зашел к ручью напиться;
И надобно ж беде случиться,
Что около тех мест голодный рыскал Волк.
Ягненка видит он, на добычу стремится;
Но, делу дать хотя законный вид и толк,

Кричит: „Как смеешь ты, наглец, нечистым рылом
Здесь чистое мутить питье
Мое
С песком и с илом?
За дерзость такову
Я голову с тебя сорву“.

— „Когда светлейший Волк позволит,
Осмелюсь я донести, что ниже по ручью
От Светлости его шагов я на сто пью;
И гневаться напрасно он изволит:
Питья мутить ему никак я не могу“.

— „Поэтому я лгу!
Негодный! Слыхана ль такая дерзость в свете!?
Да помнится, что ты еще в запрошлом лете
Мне здесь же как-то нагрубил:
Я этого, приятель, не забыл!“

— „Помилуй, мне еще и отроду нет году“,
Ягненок говорит.— „Так это был твой брат“.

— „Нет братьев у меня“.— „Так это кум иль сват,
И, словом, кто-нибудь из вашего же роду.
Вы сами, ваши псы и ваши пастухи,
Вы все мне зла хотите,
И, если можете, то мне всегда вредите;
Но я с тобой за их разведаюсь грехи“.

— „Ах, я чем виноват?“— „Молчи! Устал я слушать.
Досуг мне разбирать вины твои, щенок!
Ты виноват уж тем, что хочется мне кушать“.

Сказал—и в темный лес Ягненка поволок.

ЛЕВ НА ЛОВАЕ

Собака, Лев да Волк с Лисой
В соседстве как-то жили,
И вот какой
Между собой
Они завет все положили:

Чтоб им зверей съобща ловить,
И что наловится, все поровну делить.
Не знаю, как и чем, а знаю, что сначала
Лиса оленя поимала,
И шлет к товарищам послов,
Чтоб шли делить счастливый лов:
Добыча, право, недурная!
Пришли, пришел и Лев; он, когти разминая
И озираючи товарищей кругом,
Дележ располагает,
И говорит: „Мы, братцы, вчетвером“.
И начетверо он оленя раздирает.
„Теперь давай делить! Смотрите же, друзья:
Вот эта часть моя
По договору;
Вот эта мне, как Льву, принадлежит без спору;
Вот это мне за то, что всех сильнее я;
А к этой чуть из вас лишь лапу кто протянет,
Тот с места жив не встанет“.

СЛОН НА ВОЕВОДСТВЕ

Кто знатен и силен,
Да не умен,
Так худо, ежели и с добрым сердцем он.

На воеводство был в лесу посажен Слон.

Хоть, кажется, слонов и умная порода,

Однако же в семье не без урода:

Наш Воевода

В родню был толст,

Да не в родню был прост;

А с умыслу он мухи не обидит.

Вот добрый Воевода видит:

Вступило от овец прошение в Приказ:

„Что волки-де совсем сдирают кожу с нас“.

— „О, плуты!“ Слон кричит: „Какое преступление!
Кто грабить дал вам позволение?“

А волки говорят: „Помилуй, наш отец!

Не ты ль нам к зиме га тулупы
Позволил легонький оброк собрать с овец?

А что они кричат, так овцы глупы:
Всего-то придет с них с сестры по шкурке снять;
Да и того им жаль отдать“.

— „Ну, то-то ж,“ говорит им Слон: „Смотрите!
Неправды я не потерплю ни в ком:

По шкурке, так и быть, возьмите,
А больше их не троньте волоском“.

СЛОН И МОСЬКА

По улицам Слона водили,
Как видно, напоказ, —
Известно, что Слоны в диковинку у нас, —
Так за Слоном толпы зевак ходили.
Отколе ни возмись, навстречу Моська им.
Увидевши Слона, ну на него метаться,
И лаять, и визжать, и рваться,
Ну, так и лезет в драку с ним.
„Соседка, перестань срамиться“,
Ей шавка говорит: „тебе ль с Слоном
возиться?“

Смотри, уж ты хрипишь, а он себе идет
Вперед,

И лаю твоего совсем не примечает“.

— „Эх, эх!“ ей Моська отвечает:

„Вот то-то мне и духу придает,

Что я, совсем без драки,
Могу попасть в большие забияки.

Пускай же говорят собаки:

„Ай, Моська! знать, она сильна,
Что лает на Слона!“

СИНИЦА

Синица на море пустилась:
Она хвалилась,
Что хочет море сжечь.
Расславилась тотчас о том по свету речь.
Страх обнял жителей Нептуновсй¹ столицы;
Летят стадами птицы;
А звери из лесов сбегаются смотреть,
Как будет Океан и жарко ли гореть.
И даже, говорят, на слух молвы крылатой,
Охотники таскаться по пирам
Из первых с ложками явились к берегам,
Чтоб похлебать ухи такой богатой,
Какой-де откупщик и самый тороватый
Не даывал секретарям.
Толпятся: чуду всяк заранее дивится,
Молчит и, на море глаза уставя, ждет;
Лишь изредка иной шепнет:
„Вот закипит, вот тотчас загорится!“
Не тут-то: море не горит.
Кипит ли хоть? И не кипит.
И чем же кончились затеи величавы?
Синица со стыдом всвояси уплыла.
Наделала Синица славы,
А море не зажгла.

Примолвить к речи здесь годится,
Но ничьего не трогая лица:
Что делом, не сведя конца,
Не надобно хвалиться.

¹ Нептун — у древних римлян бог морей.

ЛЖЕЦ

Из дальних странствий возвратясь,
Какой-то дворянин (а может быть, и князь),
С приятелем своим пешком гуляя в поле,
Расхвастался о том, где он бывал,
И к былям небылиц без счету прилыгал.
„Нет“, говорит: „что я видал,
Того уж не увижу боле.

Что здесь у вас за край?
То холодно, то очень жарко,
То солнце спрячется, то светит слишком ярко.
Вот там-то прямо рай!

И вспомнишь, так душе отрада!
Ни шуб, ни свеч совсем не надо:
Не знаешь век, что есть ночная тень,
И круглый божий год всё видишь майский день.
Никто там ни садит, ни сеет:
А если б посмотрел, что там растет и зреет!
Вот в Риме, например, я видел огурец:
Ах, мой творец!

И по сию не вспомнюсь пору!
Поверишь ли? Ну, право, был он с гору“.
— „Что за диковина!“ приятель отвечал:
„На свете чудеса рассеяны повсюду;
Да не везде их всякий примечал.
Мы сами, вот, теперь подходим к чуду,
Какого ты нигде, конечно, не встречал,
И я в том спорить буду.
Вон, видишь ли через реку тот мост,
Куда нам путь лежит? Он с виду хоть и прост,
А свойство чудное имеет:

Лжец ни один у нас по нем пройти не смеет:
До половины не дойдет —

Провалится — и в воду упадет;

Но кто не лжет,
Ступай по нем, пожалуй, хоть в карете“.

— „А какова у вас река?“

— „Да не мелка.

Так видишь ли, мой друг, чего-то нет на свете!
Хоть римский огурец велик, нет спору в том,
Ведь с гору, кажется, ты так сказал о нем?“

— „Гора хоть не гора, но, право, будет
с дом“.

— „Поверить трудно!

Однако ж, как ни чудно,
А всё чудён и мост, по коем мы пойдем,
Что он Лжеца никак не подымает;
И нынешней еще весной
С него обрушились (весь город это знает)
Два журналиста да портной.
Бесспорно, огурец и с дом величиной
Диковинка, коль это справедливо“.

— „Ну, не такое еще диво;
Ведь надо знать, как вещи есть:
Не думай, что везде по-нашему хоромы,
Что там за дома:

В один двоим за нужду влезть,
И то ни стать, ни сесть!“

— „Пусть так, но всё признаться должно,
Что огурец не грех за диво счесть,
В котором двум усесться можно.

Однако ж, мост-ат наш каков,
Что лгун не сделает на нем пяти шагов,
Как тотчас в воду!

Хоть римский твой и чуден огурец...“

„Послушай-ка“, тут перервал мой Лжец:
„Чем на мост нам итти, поищем лучше броду“.

ОБЕЗЬЯНА

Как хочешь ты трудись;
Но приобрести не льстись

Ни благодарности, ни славы,
Коль нет в твоих трудах ни пользы, ни
забавы.

Крестьянин на заре с сохой
Над полосой своей трудился;
Трудился так крестьянин мой,
Что градом пот с него катился:
Мужик работник был прямой.
Зато, кто мимо ни проходит,
От всех ему: спасибо, исполать!
Мартышку это в зависть вводит.
Хвалы приманчивы, — как их не пожелать!
Мартышка вздумала трудиться:
Нашла чурбан — и ну над ним возиться!
Хлоспот

Мартышке полон рот:
Чурбан она то понесет,
То так, то сяк его обхватит,
То поволочет, то покатит;
Рекой с бедняжки льется пот;
И наконец она, пыхтя, насилиу дышит:
А всё ни от кого похвал себе не слышит.
И не диковинка, мой свет!
Трудишься много ты, да пользы в этом нет.

СТРЕКОЗА И МУРАВЕЙ

Попрыгунья Стрекоза
Лето красное пропела;
Оглянуться не успела,
Как зима катит в глаза.
Помертвело чисто поле;
Нет уж дней тех светлых боле,
Как под каждым ей листком
Был готов и стол, и дом.

Всё прошло: с зимой холодной
Нужда, голод настает;
Стрекоза уж не поет:
И кому же в ум пойдёт
На желудок петь голодный!
Злой тоской удручена,
К Муравью ползёт она:
— „Не оставь меня, кум милой!
Дай ты мне собраться с силой,
И до вешних только дней
Прокорми и обогрей!“
— „Кумушка, мне странно это:
Да работала ль ты в лето?“
Говорит ей Муравей.
— „До того ль, голубчик, было?
В мягких муравах у нас —
Песни, резвость всякий час,
Так, что голову вскружило“.
— „А, так ты...“ — „Я без души
Лето целое всё пела“.
— „Ты всё пела? Это дело:
Так поди жё, попляши!“

ПЕТУХ И ЖЕМЧУЖНОЕ ЗЕРНО

Навозну кучу разрывая,
Петух нашёл Жемчужное Зерно
И говорит: „Куда оно?
Какая вещь пустая!
Не глупо ль, что его высоко так ценят?
А я бы, право, был гораздо более рад
Зерну ячменному: оно не столь хоть видно,
Да сытно“.

Невежи судят точно так:
В чем толку не поймут, то все у них пустяк.

ОСЕЛ И СОЛОВЕЙ

Осел увидел Соловья
И говорит ему: „Послушай-ка, дружище!
Ты, сказывают, петь великий мастерище:
Хотел бы очень я
Сам посудить, твое услышав пенье,
Велико ль подлинно твое уменье?“
Тут Соловей являть свое искусство стал:
Защелкал, засвистал
На тысячу ладов, тянул, переливался;
То нежно он ослабевал
И томной вдалеке свирелью отдавался,
То мелкой дробью вдруг по роще рассыпался.
Внимало всё тогда
Любимцу и певцу Авроры¹;
Затихли ветерки, замолкли птичек хоры,
И прилегли стада.
Чуть-чуть дыша, пастух им любовался
И только иногда,
Внимая Соловью, пастушке улыбался.
Скончал певец. Осел, уставясь в землю лбом,
„Изрядно“, говорит: „сказать неложно,
Тебя без скуки слушать можно;
А жаль, что незнаком
Ты с нашим петухом:
Еще б ты боле наострился,
Когда бы у него немножко поучился“.
Услыша суд такой, мой бедный Соловей
Вспорхнул — и полетел за тридевять полей.

Избави бог и нас от этаких судей.

¹ Аврора — у древних римлян богиня утренней зари

СВИНЬЯ

Свинья на барский двор когда-то затесалась;
Вокруг конюшен там и кухонь наслонялась;
В сору, в навозе извалялась;
В помоях по-уши досыта накупалась;
И из гостей домой
Пришла свинья-свиньей.
„Ну, что ж, Хавронья, там ты видела такого?“
Свинью спросил пастух:
„Ведь идет слух,
Что всё у богачей лишь бисер да жемчуг;
А в доме, так одно богачее другого?“
Хавронья хрюкает: — „Ну, право, порют вздор.
Я не заметила богатства никакого:
Всё только лишь навоз да сор;
А, кажется, уж, не жалея рыла,
Я там изрыла
Весь задний двор“.

Не дай бог никого сравненьем мне обидеть!
Но как же критика Хавроньей не назвать,
Который, что ни станет разбирать,
Имеет дар одно худое видеть?

ГУСИ

Предлинной хвостиною
Мужик Гусей гнал в город продавать;
И, правду истинну сказать,
Не очень вежливо честил свой гурт гусиной:
На барыши спешил к базарному он дню
(А где до прибыли коснется,
Не только там гусям, и людям достается).
Я мужика и не виню;
Но Гуси иначе об этом толковали.

И, встретясь с прохожим на пути,
Вот как на мужика пеняли:
„Где можно нас, Гусей, несчастнее найти?
Мужик так нами помыкает,
И нас, как будто бы простых Гусей, гоняет;
А этого не смыслит неуч сей,
Что он обязан нам почтеньем;
Что мы свой знатный род ведем от тех Гусей,
Которым некогда был должен Рим спасеньем:
Там даже праздники им в честь учреждены!“
— „А вы хотите быть за что отличены?“
Спросил прохожий их. — „Да наши
предки...“ — „Знаю,
И всё читал; но ведать я желаю,
Вы сколько пользы принесли?“
— „Да наши предки Рим спасли!“
— „Все так, да вы что сделали такое?“
— „Мы? Ничего!“ — „Так что ж и доброго
в вас есть?“
Оставьте предков вы в покое:
Им поделом была и честь;
А вы, друзья, лишь годны на жаркое“.

Баснь эту можно бы и боле пояснить, —
Да чтоб гусей не раздражить.

ВОРОНА И КУРИЦА

Когда Смоленский Князь,¹
Противу дерзости искусством вооружась,
Вандалам² новым сеть поставил
И на погибель им Москву оставил,
Тогда все жители, и малый, и большой,

¹ Великий русский полководец М. И. Кутузов.

² Вандал — разрушитель культуры.

Часа не тратя, собралися
И вон из стен Московских поднялися,
Как из улья пчелиный рой.
Ворона с кровли тут на эту всю тревогу
Спокойно, чистя нос, глядит.
— „А ты что ж, кумушка, в дорогу?“
Ей с возу Курица кричит:
„Ведь говорят, что у порогу
Наш супостат“.
— „Мне что до этого за дело?“
Вещунья ей в ответ: „я здесь останусь смело.
Вот, ваши сестры как хотят,
А ведь Ворон ни жарят, ни варят:
Так мне с гостями не мудрено ужиться,
А, может быть, еще удастся поживиться
Сырком иль косточкой, иль чем-нибудь.
Прощай, хохлаточка, счастливый путь!“
Ворона подлинно осталась;
Но, вместо всех поживок ей,
Как голодом морить Смоленский стал гостей —
Она сама к ним в суп попалась.

Так часто человек в расчетах слеп и глуп.
За счастьем, кажется, ты по пятам несешься:
А как на деле с ним сочтешься —
Попался как ворона в суп!

РАЗДЕЛ

Имея общий дом и общую контору,
Какие-то честные торгаши
Наторговали денег гору;
Окончили торги и делят барыши.
Но в дележе когда без спору?
Заводят шум они за деньги, за товар, —
Как вдруг кричат, что в доме их пожар.

„Скорей, скорей спасайте
Товары вы и дом!“
Кричит один из них: „Ступайте,
А счета после мы сведем!“
— „Мне только тысячу мою сперва додайте“,
Шумит другой:
„Я с места не сойду долой“.
— „Мне две недодано, а вот тут счета ясны“,
Еще один кричит. — „Нет, нет, мы не согласны!
Да как, за что и почему!“
Забывши, что пожар в дому,
Проказники тут до того шумели,
Что захватило их в дыму,
И все они со всем добром своим сгорели.

В делах, которые гораздо поважней,
Нередко оттого гибель всем бывает,
Что, чем бы общую беду встречать дружней,
Всяк споры затевает
О выгоде своей.

ВОЛК НА ПСАРНЕ

Волк, ночью, думая залезть в овчарню,
Попа! на псарню.
Поднялся вдруг весь псарный двор.
Почуя серого так близко забияку,
Псы залились в хлевах и рвутся вон на драку;
Псари кричат: „Ахти, ребята, вор!“
И вмиг ворота на запор;
В минуту псарня стала адом.
Бегут: иной с дубьем,
Иной с ружьем.
— „Огня!“ кричат: „огня!“ — Пришли с огнем.
Мой Волк сидит, прижавшись в угол задом.
Зубами щелкая и ошетиная шерсть,

Глазами, кажется, хотел бы всех он съесть;

Но, видя то, что тут не перед стадом,

И что приходит, наконец,

Ему расчесться за овец, —

Пустился мой хитрец

В переговоры

И начал так: „Друзья! к чему весь этот шум?

Я, ваш старинный сват и кум,

Пришел мириться к вам, совсем не ради ссоры;

Забудем прошлое, уставим общий лад!

А я — не только впредь не трону здешних стад,

Но сам за них с другими грызться рад,

И волчьей клятвой утверждаю,

Что я...“ — „Послушай-ка, сосед“,

Тут ловчий перервал в ответ:

„Ты сер, а я, приятель, сед,

И Волчью вашу я давно натуру знаю,

А потому обычай мой:

С волками иначе не делать мировой,

Как снявши шкуру с них долой“.

И тут же выпустил на Волка гончих стаю.

ОБОЗ

С горшками шел Обоз,

И надобно с крутой горы спускаться.

Вот, на горе других оставя дожидаться,

Хозяин стал сводить легонько первый воз.

Конь добрый на крестце почти его понес,

Катиться возу не давая;

А лошадь сверху, молодая,

Ругает бедного коня за каждый шаг:

„Ай, конь хваленый, то-то диво!

Смотрите: лепится, как рак;

Вот чуть не зацепил за камень; косо! криво!

Смелее! Вот толчок опять:

А тут бы влево лишь принять.
Какой осел! Добро бы было в гору
Или в ночную пору;
А то и под гору, и днем!
Смотреть, так выйдешь из терпенья!
Уж воду бы таскал, коль нет в тебе уменья!
Гляди-тко нас, как мы махнем!
Не бойсь, минуты не потратим,
И возик свой мы не свезем, а скатим!“
Тут, выгнувши хребет и понатужа грудь,
Тронулася лошадка с возом в путь;
Но только под гору она перевалилась.
Воз начал напирать, телега раскатилась:
Коня толкает взад, коня кидает вбок;
Пустился конь со всех четырех ног
На-славу;
По камням, рытвинам, пошли толчки,
Скачки,
Левей, левей, и с возом — бух в канаву!
Прощай, хозяйские горшки!

Как в людях многие имеют слабость ту же:
Все кажется в другом ошибкой нам;
А примешься за дело сам,
Так напроказишь вдвое хуже.

ЛИСИЦА И ВИНОГРАД

Голодная кума Лиса залезла в сад;
В нем винограду кисти рделись.
У кумушки глаза и зубы разгорелись;
А кисти сочные, как яхонты, горят;
Лишь то беда, висят они высоко:
Отколь и как она к ним ни зайдет,
Хоть видит око,
Да зуб неймет.

Пробившись попусту час целой,
Пошла и говорит с досадою: „Ну, что ж!
На взгляд-то он хорош,
Да зелен — ягодки нет зрелой:
Тотчас оскомину набьешь“.

ЩУКА И КОТ

Беда, коль пироги начнет печи сапожник,
А сапоги тачать пирожник:
И дело не пойдет на лад,
Да и примечено стократ,
Что кто за ремесло чужое браться любит,
Тот завсегда других упрямей и вздорней:
Он лучше дело все погубит.
И рад скорей
Посмешищем стать света,
Чем у честных и знающих людей
Спросить иль выслушать разумного совета.

Зубастой Щуке в мысль пришло
За кошачье приняться ремесло.
Не знаю: завистью ль ее лукавый мучил,
Иль, может быть, ей рыбный стол
наскучил?

Но только вздумала Кота она просить,
Чтоб взял ее с собой он на охоту,
Мышей в амбаре половить.
„Да, полно, знаешь ли ты эту, свет,
работу?“

Стал Щуке Васька говорить:
„Смотри, кума, чтобы не осрамиться.
Недаром говорится,
Что дело мастера боится“.
„И, полно, куманёк! Вот невидаль: мышей!
Мы лавливали и ершей“.
„Так в добрый час, пойдем!“ Пошли, засели.
Натешился, наелся Кот,

И кумушку проведать он идет;
А Щука, чуть жива, лежит, разинув рот, —
И крысы хвост у ней отъели.
Тут, видя, что куме совсем не в силу труд,
Кум замертво стащил ее обратно в пруд.

И дельно! Это, Шука,
Тебе наука:
Вперед умнее быть
И за мышами не ходить.

ЛИСТЫ И КОРНИ

В прекрасный летний день,
Бросая по долине тень,
Листы на дереве с зефирами шептали,
Хвалились густотой, зеленостью своей
И вот как о себе зефирам толковали:
„Не правда ли, что мы краса долины всей?
Что нами дерево так пышно и кудряво,
Раскидисто и величаво?
Что б было в нем без нас? Ну, право,
Хвалить себя мы можем без греха!
Не мы ль от зноя пастуха
И странника в тени прохладной укрываем?
Не мы ль красотой своей
Плясать сюда пастушек привлекаем?
У нас же раннею и позднею зарей
Насвистывает соловей.
Да вы, зефиры, сами
Почти не расстаетесь с нами“.
— „Примолвить можно бы спасибо тут и нам“, —
Им голос отвечал из-под земли смиренно.
„Кто смеет говорить столь нагло и надменно!
Вы кто такие там,
Что дерзко так считаться с нами стали?“
Листы, по дереву шумя, залепетали.
— „Мы те“, —
Им снизу отвечали:
„Которые, здесь роясь в темноте,
Питаем вас. Ужель не узнаете?
Мы Корни дерева, на коем вы цветете.

Красуйтесь в добрый час!
Да только помните ту разницу меж нас:
Что с новою весной лист новый народится;
А если корень иссушится, —
Не станет дерева, ни вас“.

ЛИСИЦА И СУРОК

— „Куда так, кумушка, бежишь ты без оглядки?“

Лисицу спрашивал Сурок.

— „Ох, мой голубчик-куманёк!

Терплю напраслину и выслана за взятки.

Ты знаешь, я была в курятнике судьей,

Утратила в делах здоровье и покой,

В трудах куска недоедала,

Ночей недосыпала:

И я ж за то под гнев подпала;

А всё по клеветам. Ну, сам подумай ты:

Кто ж будет в мире прав, коль слушать клеветы?

Мне взятки брать? да разве я взбешуся!

Ну, видывал ли ты, я на тебя пошлюся,

Чтоб этому была причастна я греху?

Подумай, вспомни хорошенько“.

— „Нет, кумушка, я видывал частенько,

Что рыльце у тебя в пуху“.

Иной при месте так вздыхает,
Как будто рубль последний доживает:

И подлинно, весь город знает,

Что у него ни за собой,

Ни за женой, —

А смотришь, помаленьку,

То домик выстроит, то купит деревеньку.

Теперь, как у него приход с расходом свести,

Хоть по суду и не докажешь;

Но как не согресишь, не скажешь,

Что у него пушок на рыльце есть.

ДЕМЬЯНОВА УХА

„Соседушка, мой свет!

Пожалуйста, покушай“.

— „Соседушка, я сыт по горло“. — „Нужды нет,

Еще тарелочку; послушай:

Ушица, ей-же-ей, на-славу сварена!“

— „Я три тарелки съел“. — „И, полно, что
за счеты:

Лишь стало бы охоты, —

А то во здравье: ешь до дна!

Что за уха! Да как жирна:

Как будто янтарем подернулась она.

Потешь же, миленький дружок!

Вот лещик, потроха, вот стерляди кусочек!

Еще хоть ложечку! Да кланяйся, жена!“

Так потчевал сосед Демьян соседа Фоку

И не давал ему ни отдыху, ни сроку;

А с Фоки уж давно катился градом пот.

Однако же еще тарелку он берет,

Сбирается с последней силой —

И очищает всю. „Вот друга я люблю!“

Вскричал Демьян: „зато уж чванных не терплю.

Ну, скушай же еще тарелочку, мой милой!“

Тут бедный Фока мой,

Как ни любил уху, но от беды такой,

Схватя в охапку

Кушак и шапку, —

Скорей без памяти домой —

И с той поры к Демьяну ни ногой.

Писатель, счастлив ты, коль дар прямой
имеешь:

Но если помолчать во-время не умеешь

И ближнего ушей ты не жалеешь:

Так ведай, что твои и проза и стихи

Тошнее будут всем Демьяновой ухи.

ПРУД И РЕКА

„Что это“, говорил Реке соседний Пруд:

„Как на тебя ни взглянешь,

А воды все твои текут!

Неужли-таки ты, сестрица, не устанешь?

Притом же, вижу я почти всегда,

То с грузом тяжкие суда,

То долговязые плоты ты носишь,

Уж я не говорю про лодки, челноки:

Им счету нет! Когда такую жизнь ты
бросишь?

Я, право, высох бы с тоски.

В сравнении с твоим как жребий мой
приятен!

Конечно, я не знатен,

По карте не тянусь я через целый лист,

Мне не бренчит похвал какой-нибудь гуслист:

Да это, право, все пустое!

Зато я в илистых и мягких берегах,

Как барыня в пуховиках,

Лежу и в неге и в покое;

Не только что судов

Или плотов

Мне здесь не для чего страшиться:

Не знаю даже я, каков тяжел челнок;

И много, ежели случится,

Что по воде моей чуть зыблется листок,

Когда его ко мне забросит ветерок.

Что беззаботную заменит жизнь такую?

За ветрами со всех сторон,

Не движась, я смотрю на суету мирскую

И философствую сквозь сон“.

— „А, философствуя, ты помнишь ли закон“,

Река на это отвечает:

„Что свежест лишь вода движеньем

сохраняет?

И если стала я великою рекой,
Так это от того, что, кинувши покой,
Последую сему уставу.

Зато по всякий год
Обилием и чистотою вод
И пользу приношу, и в честь вхожу и
в славу.

И буду, может быть, еще я веки течь,
Когда уже тебя не будет и в помине,
И о тебе совсем исчезнет речь“.

Слова ее сбылись: она течет поныне;
А бедный Пруд год от году все глох,
Заволочен весь тиною глубокой,
Зацвел, зарос осокой
И, наконец, совсем иссох.

Так дарование без пользы свету вянет,
Слабея всякий день,
Когда им овладеет лень
И оживлять его деятельность не станет.

КВАРТЕТ

Проказница-Мартышка,
Осел,
Козел

Да косолапый Мишка
Затеяли сыграть Квартет.

Достали нот, баса, альты, две скрипки

И сели на лужок под липки —

Пленять своим искусством свет.

Ударили в смычки, дерут, а толку нет.

„Стой, братцы, стой!“ кричит Мартышка:
„Погодите!

Как музыке итти? Ведь вы не так сидите.

Ты с басом, Мишенька, садись против альты,

Я, прима, сяду против вторы;
Тогда пойдет уж музыка не та:
У нас запляшут лес и горы!"
Расселись, начали Квартет;
Он всё-таки на лад нейдет.
„Постойте ж, я сыскал секрет“,
Кричит Осел: „Мы, верно, уж поладим,
Коль рядом сядем“.
Послушались Осла: уселись чинно в ряд;
А всё-таки Квартет нейдет на лад.
Вот, पुष्पे прежнего, пошли у них разборы
И споры,
Кому и как сидеть.
Случилось Соловью на шум их прилететь.
Тут с просьбой все к нему, чтоб их
решить сомненье:
„Пожалуй“, говорят: „возьми на час терпенье,
Чтобы Квартет в порядок наш привести:
И ноты есть у нас, и инструменты есть;
Скажи лишь, как нам сесть!“
„Чтоб музыкантом быть, так надобно уменье
И уши ваших понежней“,
Им отвечает Соловей:
„А вы, друзья, как ни садитесь,
Всё в музыканты не годитесь“.

ДОБРАЯ ЛИСИЦА

Стрелок весной малиновку убил.
Уж пусть бы кончилось на ней несчастье злое.
Но нет; за ней должны еще погибнуть трое:
Он бедных трех ее птенцов осиротил.
Едва из скорлупы, без смыслу и без сил,
Малютки терпят голод
И холод,
И писком жалобным зовут напрасно мать.

„Как можно не страдать,
Малюток этих видя;
И сердце чье об них не заболит?“
Лисица птицам говорит,
На камушке против гнезда сироток сидя:
„Не киньте, милые, без помощи детей;
Хотя по зернышку бедняжкам вы снесите,
Хоть по соломинке к их гнездышку приткните:
Вы этим жизнь их сохраните;
Что дела доброго святей!?”
Кукушка, посмотри, ведь ты и так линияешь:
Не лучше ль дать себя немножко ошипать,
И перьем бы твоим постельку их устлать.
Ведь попусту ж его ты растеряешь.
Ты, жавронок, чем по верхам
Тебе кувыркаться, кружиться,
Ты б корму поискал по нивам, по лугам,
Чтоб с сиротами поделиться.
Ты, горлинка, твои птенцы уж подросли,
Промыслить корм они и сами бы могли:
Так ты бы с своего гнезда слетела,
Да, вместо матери, к малюткам села.
А деток бы твоих пусть бог
Берег.
Ты б, ласточка, ловила мошек,
Полакомить безродных крошек,
А ты бы, милый соловей, —
Ты знаешь, как всех голос твой прельщает, —
Меж тем, пока зефир¹ их с гнездышком качает,
Ты б убаюкивал их песенкой своей.
Такою нежностью, я твердо верю,
Вы б заменили им их горькую потерю.
Послушайте меня: докажем, что в лесах
Есть добрые сердца, и что “... При сих словах
Малютки бедные все трое,

¹ Зефир — т. е. легкий ветер.

Не могши с голоду сидеть в покое,
Попадали к Лисе на низ.
Что ж кумушка? — Тотчас их съела:
И поученья не допела.

Читатель, не дивись!
Кто добр поистине, не распложая слова,
В молчаньи тот добро творит:
А кто про доброту лишь в уши всем жужжит,
Тот часто только добр на счет другого,
Затем, что в этом нет убытка никакого.
На деле же почти такие люди все —
Сродни моей Лисе.

ЧИЖ И ГОЛУБЬ

Чижа захлопнула злодейка - западня;
Бедняжка в ней и рвался, и метался,
А Голубь молодой над ним же издевался.
„Не стыдно ль“, говорит: „среди бела дня
Попался!
Не провели бы так меня:
За это я ручаюсь смело“.
Ан смотришь, тут же сам запутался в силок.
И дело!
Вперед чужой беде не смейся, Голубок.

ЗЕРКАЛО И ОБЕЗЬЯНА

Мартышка, в Зеркале увидя образ свой,
Тихохонько Медведя толк ногой:
„Смотри-ка,“ говорит: „кум милый мой!
Что это там за рожа?
Какие у нее ужимки и прыжки!
Я удавилась бы с тоски,

Когда бы на нас хоть чуть была похожа.

А ведь, признайся, есть
Из кумушек моих таких кривляк пять-шесть:
Я даже их могу по пальцам перечесть“.

— „Чем кумушек считать трудиться,
Не лучше ль на себя, кума, оборотиться?“

Ей Мишка отвечал.

Но Мишенькин совет лишь попусту пропал.

Таких примеров много в мире:
Не любит узнавать никто себя в сатире.

Я даже видел то вчера:
Что Климыч на-руку нечист, все это знают;
Про взятки Климычу читают,

А он украдкою кивает на Петра.

ТУЧА

Над изнуренною от зноя стороною

Большая туча пронеслась;

Ни каплею ее не освежа одною,

Она большим дождем над морем пролилась
И щедростью своей хвалилась пред горою.

„Что сделала добра

Ты щедростью такую?“

Сказала ей гора:

„И как смотреть на то не больно!

Когда бы на поля свой дождь ты пролила,

Ты б область целую от голода спасла:

А в море без тебя, мой друг, воды довольно“.

ВОЛК И ЛИСИЦА

Охотно мы дарим,
Что нам не надобно самим.

Мы это басней поясним,
Затем, что истина сноснее вполоткрыта.

Лиса, курятинки накушавшись досыта
И добрый ворошок припрятавши в запас,
Под стогом прилегла вздремнуть в вечерний час
Глядит, а в гости к ней голодный Волк тащится.
„Что, кумушка, беды!“ он говорит:
„Ни косточкой не мог нигде я поживиться;

Меня так голод и морит;
Собаки злы, пастух не спит,
Пришло хоть удавиться!“
— „Неужли?“ — „Право, так“ —
„Бедняжка-куманек!

Да не изволишь ли сенца? Вот целый стог:
Я куму услужить готова“.
А куму не сенца, хотелось бы мясного —
Да про запас Лиса ни слова.

И серый рыцарь мой,
Обласкан по уши кумой,
Пошел без ужина домой.

ОСЕЛ И МУЖИК

Мужик на лето в огород,
Наняв, Осла приставил
Ворон и воробьев гонять нахальный род.
Осел был самых честных правил:
Ни с хищностью, ни с кражей не знаком;
Не поживился он хозяйским ни листком,
И птицам, грех сказать, чтобы давал потачку;
Но Мужик барыш был с огорода плох.
Осел, гоняя птиц со всех ослиных ног,
По всем грядам, и вдоль и поперек,
Такую поднял скачку,
Что в огороде все примял и притоптал.

Увидя тут, что труд его пропал,
Крестьянин на спине ослиной
Убыток выместил дубиной.
„И ништо!“ все кричат: „скотине поделом!
С его ль умом
За это дело браться?“

А я скажу, не с тем чтоб за Осла вступаться:
Он, точно, виноват (с ним сделан и расчет),
Но, кажется, не прав и тот,
Кто поручил Ослу стеречь свой огород.

СКВОРЕЦ

У всякого талант есть свой:
Но часто, на успех прельщаяся чужой,
Хватается за то инсй,
В чем он совсем не годен.
А мой совет такой:
Берись за то, к чему ты сроден,
Коль хочешь, чтоб в делах успешный был конец

Какой-то смолоду Скворец
Так петь щегленком научился,
Как будто бы щегленком сам родился.
Игривым голоском гесь лес он веселил,
И всякий Скворушку хвалил.
Иной бы был такой доволен частью;
Но Скворушка услышь, что хвалят соловья,—
А Скворушка завистлив был, к несчастью,—
И думает: „Постойте же, друзья,
Спою не хуже я
И соловьиным ладом“.
И подлинно запел,
Да только лишь совсем особым складом:
То он пищал, то он хрипел,

То верещал козленком,
То не путем
Мяукал он котенком;
И, словом, разогнал всех птиц своим пенъём.
Мой милый Скворушка, ну что за прибыль в том?
Пой лучше хорошо щегленком,
Чем дурно соловьем.

ВОЛК И ПАСТУХИ

Волк, близко обходя пастуший двор
И видя сквозь забор,
Что, выбрав лучшего себе барана в стаде,
Спокойно Пастухи барашка потрошат,
А псы смиренхонько лежат,
Сам молвил про себя, прочь уходя в досаде:
„Какой бы шум вы все здесь подняли, друзья,
Когда бы это сделал я!“

КОТ И ПОВАР

Какой-то Повар, грамотей,
С поварни побежал своей
В кабак (он набожных был правил
И в этот день по куме тризну правил),
А дома стеречи съестное от мышей
Кота оставил.
Но что же, возвратясь, он видит? На полу
Объедки пирога; а Васька-Кот в углу,
Припав за укусным бочонком,
Мурлыча и ворча, трудится над курчонком.
„Ах, ты, обжора! ах, злодей!“
Тут Ваську Повар укоряет:
„Не стыдно ль стен тебе, не только что людей?“
(А Васька все-таки курчонка убирает.)

„Как! быв честным Котом до этих пор, —
Бывало за пример тебя смиренства кажут, —
А ты... ахти, какой позор!
Теперь все соседи скажут:
Кот-Васька плут! Кот-Васька вор!
И Ваську-де не только что в поварню
Пускать не надо и на двор,
Как волка жадного в овчарню:
Он порча, он чума, он язва здешних мест!¹
(А Васька слушает, да ест.)
Тут ритор мой, дав волю слов теченью,
Не находил конца нравоученью.
Но что ж? Пока его он пел,
Кот-Васька всё жаркое съел.

А я бы повару иному
Велел на стенке зарубить:
Чтоб там речей не тратить полустому,
Где нужно власть употребить.

ЦВЕТЫ

В отворенном окне богатого покоя,
В фарфоровых, расписанных горшках
Цветы поддельные, с живыми вместе стоя,
На проволочных стебельках
Качались спесиво
И выставляли всем красу свою на диво.
Вот дождик начал накрапать.
Цветы тафтяные Юпитера¹ тут просят:
Нельзя ли дождь унять;
Дождь всячески они ругают и поносят.
„Юпитер!“ молятся: „ты дождик прекрати:
Что в нем пути,

¹ Юпитер — в древне-римской мифологии бог грома и молний (в древне-греческой мифологии ему соответствует Зевс).

И что́ его на свете хуже?
Смотри, нельзя по улице пройти:
Везде лишь от него и грязь, и лужи".
Однакоже Зевес не внял мольбе пустой,
И дождь себе прошел своею полосой.
Прогнавши зной,
Он воздух прохладил; природа оживилась,
И зелень вся как будто обновилась.
Тогда и на окне Цветы живые все
Раскинулись во всей своей красе
И стали от дождя душистей,
Свежее и пушистей.
А бедные Цветы поддельные с тех пор
Лишились всей красы и брошены на двор,
Как сор.

Таланты истинны за критику не злятся:
Их повредить она не может красоты;
Одни поддельные цветы
Дождя боятся.

МЫШЬ И КРЫСА

„Соседка, слышала ль ты добрую молву?“
Вбежавши, Крысе Мышь сказала:
„Ведь кошка, говорят, попалась в когти льву?
Вот отдохнуть и нам пора настала!“
— „Не радуйся, мой свет“,
Ей Крыса говорит в ответ:
„И не надейся попустому.
Коль до когтей у них дойдет,
То, верно, льву не быть живому:
Сильнее кошки зверя нет!“

Я сколько раз видал, приметьте это сами:
Когда боится трус кого,
То думает, что на того
Весь свет глядит его глазами.

ТРУДОЛЮБИВЫЙ МЕДВЕДЬ

Увидя, что мужик, трудясь над дугами,
Их прибыльно сбывает с рук
(А дуги гнут с терпеньем и не вдруг),
Медведь задумал жить такими же трудами.
Пошел по лесу треск и стук,
И слышно за версту проказу.
Орешника, березника и вязу
Мой Мишка погубил несметное число,
А не дается ремесло.
Вот идет к мужику он попросить совета
И говорит: „Сосед, что за причина эта?
Деревья-таки я ломать могу,
А не согнул ни одного в дугу.
Скажи, в чем есть тут главное уменье?“
— „В том“, отвечал сосед:
„Чего в тебе, кум, вовсе нет:
В терпенье“.

МУРАВЕЙ

Какой-то Муравей был силы непомерной,
Какой не слыхано ни в древни времена;
Он даже (говорит его историк верной)
Мог поднимать больших ячменных два зерна!
Притом и в храбрости за чудо почитался:
Где б ни завидел червяка,
Тотчас в него впивался,
И даже хаживал один на паука.
А тем вошел в такую славу
Он в муравейнике своем,

Что только и речей там было, что о нем.
Я лишние хвалы считаю за отраву;
Но этот Муравей был не такого нраву:

Он их любил,

Своим он чванством мерил

И всем им верил;

А ими, наконец, так голову набил,
Что вздумал в город показаться,
Чтоб силой там повеличаться.

На самый крупный с сеном воз

Он к мужику спесиво всполз

И въехал в город очень пышно;

Но, ах, какой для гордости удар!

Он думал, на него сбежится весь базар,

Как на пожар;

А про него совсем не слышно:

У всякого забота там своя.

Мой Муравей — то, взяв листок, потянет,

То принадет он, то привстанет:

Никто не видит Муравья.

Уставши, наконец, тянуться, выправляться,

С досадою Барбосу он сказал,

Который у воза хозяйского лежал:

„Не правда ль, надобно признаться,

Что в городе у вас

Народ без толку и без глаз?

Возможно ль, что меня никто не примечает,

Как ни тянусь я целый час;

А, кажется, у нас

Меня весь муравейник знает“.

И со стыдом отправился домой.

Так думает иной

Затейник,

Что он в подсолнечной гремит,

А он — дивит

Свой только муравейник.

ДВЕ БОЧКИ

Две Бочки ехали: одна с вином,

Другая —

Пустая.

Вот первая себе без шуму и шажком

Плетется,

Другая вскачь несется;

От ней по мостовой и стукотня, и гром,

И пыль столбом;

Прохожий к стороне скорей от страху жметя,

Ее заслышавши издалека.

Но как та Бочка ни громка,

А польза в ней не так, как в первой, велика.

Кто про свои дела кричит всем без умолку,

В том, верно, мало толку;

Кто делов истинно — тих часто на словах.

Великий человек лишь громок на делах,

И думает свою он крепку думу

Без шуму.

МЕЛЬНИК

У Мельника вода плотину прососала;

Беда б не велика сначала,

Когда бы руки приложить;

Но кстати ль? Мельник мой не думает тужить.

А течь день ото дня сильнее становится:

Вода так бьет, как из ведра.

„Эй, Мельник, не зевай! Пора,

Пора тебе за ум хватиться!“

А Мельник говорит: „Далёко до беды,

Не море надо мне воды,

И ею мельница по весь мой век богата“.

Он спит, а между тем

Вода бежит, как из ушата.
И вот беда пришла совсем:
Стал жернов, мельница не служит.
Хватился Мельник мой: и охает, и тужит,
И думает, как воду уберечь.
Вот у плотины он, осматривая течь,
Увидел, что к реке пришли напиться куры.
„Негодные!“ кричит: „хохлатки, дуры!
Я и без вас воды не знаю где достать;
А вы пришли ее здесь вдосталь допивать“.
И в них поленом хватъ.
Какое ж сделал тем себе подспорье?
Без кур и без воды пошел в свое подворье.

Видал я иногда,
Что есть такие господа
(И эта басенка им сделана в подарок),
Которым тысячей не жаль на вздор сорить,
А думают хозяйству подспорить,
Коль свечки сберегут огарок,
И рады за него с людьми поднять содом.
С такою бережью диковинка ль, что дом
Скорёшенько пойдет вверх дном?

ЛИСИЦА И ОСЕЛ

„Отколе, умная, бредешь ты, голова?“
Лисица, встретясь с Ослом, его спросила.
„Сейчас лишь ото Льва!
Ну, кумушка, куда его девалась сила:
Бывало зарычит, так стонет лес кругом.
И я без памяти бегом,
Куда глаза глядят, от этого уroda;
А ныне в старости и дряхл и хил,
Совсем без сил,
Валяется в пещере, как колода.

Поверишь ли, в зверях
Пропал к нему весь прежний страх,
И поплатился он старинными долгами!
Кто мимо Льва ни шел, всяк вымещал ему
По-своему:
Кто зубом, кто рогами..."
— „Но ты коснуться Льву, конечно, не
дерзнул?"

Лиса Осла перерывает.
„Вот-на!“ — Осел ей отвечает:
„А мне чего робеть? И я его лягнул:
Пускай ослиные копыта знает!“

Так души низкие, будь знатен, силен ты,
Не смеют на тебя поднять они и взгляды;
Но упали лишь с высоты, —
От первых жди от них обиды и досады.

ДВЕ СОБАКИ

Дворовый, верный пес
Барбос,
Который барскую усердно службу нёс,
Увидел старую свою знакомку
Жужу, кудрявую болонку,
На мягкой пуховой подушке, на окне.
К ней ластяся, как будто бы к родне,
Он с умиленья чуть не плачет,
И под окном
Визжит, вертит хвостом
И скачет.
„Ну, что, Мужутка, как живешь
С тех пор, как господа тебя в хоромы
взяли?
Ведь помнишь: на дворе мы часто голодали.
Какую службу ты несешь?"

— „На счастье грех роптать“, Жужутка
отвечает:

„Мой господин во мне души не чает;
Живу в довольстве и добре,
И ем и пью на серебре;
Резвлюся с барином; а ежели устану,
Валяюсь по коврам и мягкому дивану.
Ты как живешь?“ — „Я“, отвечал Барбос,
Хвост плетью опустя и свой повеся нос:
„Живу попрежнему: терплю и холод,
И голод,

И, сберегаючи хозяйский дом,
Здесь под забором сплю и мокну под дождем;
А если невпопад залаю,
То и побой принимаю.
Да чем же ты, Жужу, в случай попал,
Бессилен бывши так и мал,
Меж тем, как я из кожи рвусь напрасно?
Чем служишь ты?“ — „Чем служишь! Вот
прекрасно!“

С насмешкой отвечал Жужу:
„На задних лапках я хожу“.

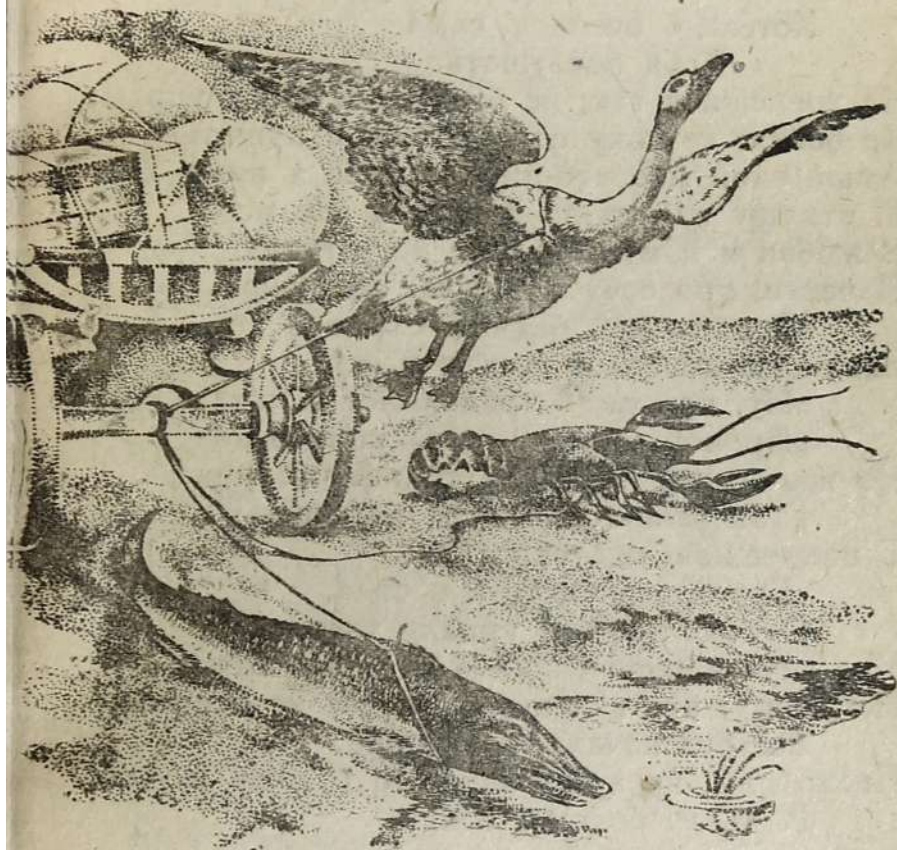
Как счастье многие находят
Лишь тем, что хорошо на задних лапках ходят!

ЛЕБЕДЬ, ЩУКА И РАК

Когда в товарищах согласья нет,
На лад их дело не пойдет,
И выйдет из него не дело, только мука!

Однажды Лебедь, Рак да Щука
Везти с поклажей воз взялись
И вместе трое все в него впряглись;
Из кожи лезут вон, а возу всё нет ходу!

Поклажа бы для них казалась и легка,
Да Лебедь рвется в облака,
Рак пятится назад, а Щука тянет в воду.
Кто виноват из них, кто прав, — судить не нам;
Да только воз и ныне там.

КОШКА И СОЛОВЕЙ

Поймала Кошка Соловья,
В бедняжку когти запустила
И, ласково его сжимая, говорила:
„Соловушка, душа моя!

Я слышу, что тебя везде за песни славят
И с лучшими певцами рядом ставят.

Мне говорит Лиса-кума,
Что голос у тебя так звонок и чудесен,
Что от твоих прелестных песен
Все пастухи, пастушки — без ума.

Хотела б очень я сама

Тебя послушать.

Не трепещися так; не будь, мой друг, упрям;
Не бойся: не хочу совсем тебя я кушать.

Лишь спой мне что-нибудь: тебе я волю дам
И отпущу гулять по рощам и лесам.
В любви я к музыке тебе не уступаю
И часто, про себя мурлыча, засыпаю“.

Меж тем мой бедный Соловей
Едва-едва дышал в когтях у ней.

„Ну, что же?“ продолжает Кошка:

„Пропой, дружок, хотя немножко“.

Но наш певец не пел, а только что пищал.

„Так этим-то леса ты восхищал?“

С насмешкою она спросила:

„Где ж эта чистота и сила,

О коих все без умолку твердят?

Мне скучен писк такой и от моих котят.

Нет, вижу, что в пеньё ты вовсе не искусен.

Всё без начала, без конца,

Посмотрим, на зубах каков-то будешь вкусен!

И съела бедного певца

До крошки.

Сказать ли на ушко яснее мысль мою?

Худые песни Соловью

В когтях у Кошки.

ОСЕЛ

Был у крестьянина Осел,
И так себя, казалось, смиренно вел,
Что мужику нельзя им было нахвалиться;
А чтобы он в лесу пропасть не мог —
На шею прицепил мужик ему звонок. —
Надулся мой Осел: стал важничать, гордиться
 (Про ордена, конечно, он слышал)
И думает, теперь большой он барин стал;
Но вышел новый чин Ослу, бедняжке, боком
 (То может не одним Ослам служить уроком).
Сказать вам должно наперед:
В Осле не много чести было;
Но до звонка ему всё счастливо сходило:
Зайдет ли в рожь, в овес, иль в огород, —
 Наестся дóсыта и выйдет тихомолком.
Теперь пошло иным всё толком:
Куда ни сунется мой знатный господин,
Без умолку звенит на шее новый чин.
 Глядят: хозяин, взяв дубину,
 Гоняет то со ржи, то с гряд мою
 скотину;
А там сосед, в овсе услыша звук звонка,
 Ослу колом ворочает бока.
Ну, так, что бедный наш вельможа
 До осени зачах,
И кости у Осла остались лишь да кожа.

И у людей в чинах
С плутами та ж беда: пока чин мал и беден,
 То плут не так еще приметен;
Но важный чин на плуте, как звонок:
Звук от него и громок, и далек.

ВОЛК И КОТ

Волк из лесу в деревню забежал —
Не в гости, но живот спасая;
За шкуру он свою дрожал:
Охотники за ним гнались и гончих стая.
Он рад бы в первые тут шмыгнуть ворота,
Да то лишь горе,
Что все ворота на запоре.
Вот видит Волк мой на заборе
Кота

И молит: „Васенька, мой друг! скажи скорее,
Кто здесь из мужичков добрее,
Чтобы укрыть меня от злых моих врагов?
Ты слышишь лай собак и страшный звук
рогов!

Всё это ведь за мной“. — „Проси скорей Степана;
Мужик предобрый он“, Кот-Васька говорит.

— „То так; да у него я ободрал барана“.

— „Ну, попытайся ж у Демьяна“.

— „Боюсь, что на меня и он сердит:

Я у него унес козленка“.

— „Беги ж, вон там живет Трофим“.

— „К Трофиму? Нет, боюсь и встретиться
я с ним:

Он на меня с весны грозит за ягненка!“

— „Ну, плох ж! — Но, авось тебя укроет
Клим!“

— „Ох, Вася, у него зарезал я теленка!“

— „Что вижу, кум! Ты всем в деревне
насолил“.

Сказал тут Васька Волку:

„Какую ж ты себе защиту здесь сулил?

Нет, в наших мужичках не столько мало толку,

Чтоб на свою беду тебя спасли они.

И правы, — сам себя вини:

Что ты посеял, то и жни“.

ПЕСТРЫЕ ОВЦЫ

Лев пестрых не взлюбил Овец.
Их просто бы ему перевести не трудно;
Но это было бы неправосудно —
Он не на то в лесах носил венец,
Чтоб подданных душить, но им давать расправу;
А видеть пеструю Овцу терпенья нет!
Как сбыть их и сберечь свою на свете славу?

И вот к себе зовет
Медведя он с Лисою на совет
И им за тайну открывает,
Что, видя пеструю Овцу, он всякий раз
Глазами целый день страдает,
И что придет ему совсем лишиться глаз,
И, как такой беде помочь, совсем не знает.
„Всесильный Лев!“ сказал, насупясь, Медведь:
„На что тут много разговоров?

Вели без дальних сборов
Овец передушить. Кому о них жалеть?“
Лиса, увидевши, что Лев нахмурил брови,
Смиренно говорит: „О, царь! наш добрый царь!
Ты, верно, запретишь гнать эту бедну тварь
И не прольешь невинной крови.

Осмелюсь я совет иной произнести:
Дай повеленье ты луга им отвести,
Где б был обильный корм для маток
И где бы поскакать, побегать для ягнят;
А так как в пастухах у нас здесь недостаток,
То прикажи Овец волкам пасти.

Не знаю, как-то мне сдается,
Что род их сам собой переведется.
А между тем пускай блаженствуют оне;
И что б ни сделалось, ты будешь в стороне“.
Лисицы мнение в совете силу взяло,
И так удачно в ход пошло, что, наконец,
Не только пестрых там Овец —

И гладких стало мало.
Какие ж у зверей пошли на это толки? —
Что Лев бы и хорош, да всё злодеи волки.

БЕЛКА

В деревне, в праздник, под окном

Помещичьих хором

Народ толпился.

На Белку в колесе зевал он и дивился.

Вблизи с березы ей дивился тоже дрозд:

Так бегала она, что лапки лишь мелькали

И раздувался пышный хвост.

„Землячка старая“, спросил тут дрозд:

„нельзя ли

Сказать, что делаешь ты здесь?“

— Ох, милый друг! тружусь день весь:

Я по делам гонцом у барина большого;

Ну, некогда ни пить, ни есть,

Ни даже духу перевести“.

И Белка в колесе бежать пустилась снова.

„Да“, улета, дрозд сказал: „то ясно мне,

Что ты бежишь — а всё на том же ты
окне“.

Посмотришь на дельца иного:

Хлопочет, мечется, ему дивятся все:

Он, кажется, из кожи рвется,

Да только всё вперед не подается,

Как Белка в колесе.

КУКУШКА И ПЕТУХ

„Как, милый Петушок, поешь ты громко, важно!“

— „А ты, Кукушечка, мой свет,

Как тянешь плавно и протяжно:

Во всем лесу у нас такой певички нет!“
— „Тебя, мой куманёк, век слушать я готова“.
— „А ты, красавица, божусь,
Лишь только замолчишь, то жду я, не
дождусь,

Чтоб начала ты снова...
Отколь такой берется голосок?
И чист, и нежен, и высок!..
Да вы уж родом так: собою невелички,
А песни — что твой соловей!“
— „Спасибо, кум; зато, по совести моей,
Поешь ты лучше райской птички.
На всех ссылаюсь в этом я“.
Тут Воробей, случась, примолвил им: „Друзья!
Хоть вы охрипните, хваля друг дружку, —
Всё ваша музыка плоха!..“

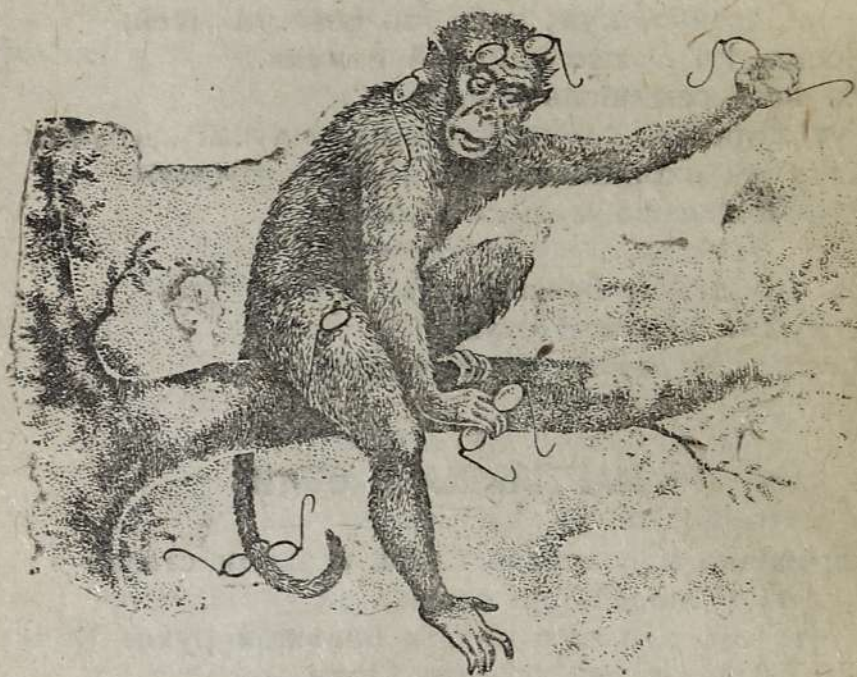
За что же, не боясь греха,
Кукушка хвалит Петуха?
За то, что хвалит он Кукушку.

МАРТЫШКА И ОЧКИ

Мартышка к старости слаба глазами стала;
А у людей она слыхала,
Что это зло еще не так большой руки:
Лишь стоит завести Очки.
Очков с полдюжины себе она достала;
Вертит Очками так и сяк:
То к темю их прижмет, то их на хвост нанижет,
То их понюхает, то их полижет, —
Очки не действуют никак.
„Тьфу пропасть!“ говорит она: „и тот дурак,
Кто слушает людских всех врак:
Всё про Очки лишь мне нагали;
А проку на волос нет в них“.

Мартышка тут с досады и с печали
О камень такхватила их,
Что только брызги засверкали.

К несчастью, то ж бывает у людей.
Как ни полезна вещь, — цены не зная ей,
Невежда про нее свой толк всё к худу клонит;
А ежели невежда познатней,
Так он ее еще и гонит.

СОБАЧЬЯ ДРУЖБА

У кухни под окном
На солнышке Полкан с Барбосом, лежа, грелись.
Хоть у ворот перед двором
Прстойнее б стеречь им было дом,
Но как они уж понаелись, —

И вежливые ж псы притом
Ни на кого не лают днем, —
Так рассуждать они пустились вдвоем
О всякой всячине: о их собачьей службе,
О худе, о добре и, наконец, о дружбе.
„Что может“, говорит Полкан: „приятней
быть,

Как с другом сердце к сердцу жить;
Во всем оказывать взаимную услугу;
Не спать без друга и не съесть,
Стоять горой за дружную шерсть
И, наконец, в глаза глядеть друг другу,
Чтоб только улучшить счастливый час,
Нельзя ли друга чем потешить, позабавить,
И в дружном счастье все свое блаженство
ставить!

Вот если б, например, с тобой у нас
Такая дружба завелась:

Скажу я смело,
Мы б и не видели, как время бы летело“.

— „А что же? это дело!“

Барбос отвечает ему:

„Давно, Полканушка, мне больно самому,
Что, бывши одного двора с тобой собаки,

Мы дня не проживем без драки;
И из чего? Спасибо господам:

Ни голодно, ни тесно нам!

Притом же, право, стыдно:

Пес дружества слывет примером с давних
дней,

А дружбы между псов, как будто меж людей,

Почти совсем не видно“.

— „Явим же в ней пример мы в наши времена“.

Вскричал Полкан: „дай лапу!“ — „Вот она!“

И новые друзья ну обниматься,

Ну целоваться;

Не знают с радости, к кому и приравняться:

„Орест мой!“ — „Мой Пилад!“¹ Прочь свары,
зависть, злость!

Тут повар на беду из кухни кинул кость.
Вот новые друзья к ней взапуски несутся.

Где делся и совет и лад? —

С Пиладом мой Орест грызутся,
Лишь только клочья вверх летят;
Насилу, наконец, их разлили водою.

Свет полон дружбою такою.
Про нынешних друзей лъзя молвить, не греша,
Что в дружбе все они едва ль не одинаки:
Послушать, кажется одна у них душа, —
А только кинь им кость, так что твои собаки!

СВИНЬЯ ПОД ДУБОМ

Свинья под дубом вековым
Наелась жолудей досыта, доотвала;
Наевшись, выпалась под нѣм;
Потом, глаза продравши, встала
И рылом подрывать у дуба корни стала.
„Ведь это дереву вредит“,
Ей с дубу вѣрон говорит:
„Коль корни обнажишь, оно засохнуть может“.
— „Пусть сохнет“, говорит Свинья:
„Ничуть меня то не тревожит;
В нем проку мало вижу я;
Хоть век его не будь, ничуть не пожалею;
Лишь были б жолуди: ведь я от них жирею“.
— „Неблагодарная!“ примолвил Дуб ей тут:
„Когда бы вверх могла поднять ты рыло,
Тебе бы видно было,
Что эти жолуди на мне растут“.

¹ Орест и Пилад — два неразлучных друга, герои древнегреческих сказаний.

Невежда также в ослепление
Бранит науки и ученье,
И все ученые труды,
Не чувствуя, что он вкушает их плоды.

ВЕЛЬМОЖА

Какой-то, в древности, Вельможа
С богато убранного ложа
Отправился в страну, где царствует Плутон.¹
Сказать простее — умер он;
И так, как встарь велось, в аду на суд явился.
Тотчас допрос ему: „Чем был ты? Где родился?“
— „Родился в Персии, а чином был сатрап;
Но так как, живучи, я был здоровьем слаб,
То сам я областью не правил,
А все дела секретарю оставил“.
— „Что ж делал ты?“ — „Пил, ел и спал,
Да всё подписывал, что он ни подавал“.
— „Скорей же в рай его!“ — „Как! где же спра-
ведливость?“
Меркурий тут вскричал, забывши всю учтивость:
„Эх, братец!“ отвечал Эак:²
„Не знаешь дела ты никак.
Не видишь разве ты? Покойник был дурак!
Что если бы с такою властью
Взялся он за дела, к несчастью?
Ведь погубил бы целый край!..
И ты б там слез не обобрался!
Затем-то и попал он в рай,
Что за дела не принимался“.

Вчера я был в суде и видел там судью:
Ну, так и кажется, что быть ему в раю!

¹ Плутон — в древнегреческой религии бог подзем-
ного царства мертвых.

² Эак — судья в царстве мертвых.

ПРОХОЖИЕ И СОБАКИ

Шли два приятеля вечернею порою
И дельный разговор вели между собой.
Как вдруг из подворотни
Дворняжка твякнула на них;
За ней другая, там еще две-три, и вмиг
Со всех дворов Собак сбежалось с полсотни.
Один было уже Прохожий камень взял.
„И, полно, братец!“ тут другой ему сказал:
„Собак ты не уймешь от лаю,
Лишь пуще всю раздражишь стаю;
Пойдем вперед: я их натуру лучше знаю“.
И подлинно, прошли шагов десятков пять,
Собаки начали помалу затихать,
И стало, наконец, совсем их не слышать.

Завистники, на что ни взглянут,
Подымут вечно лай;
А ты себе дорогою ступай:
Полают, да отстанут.

КРЕСТЬЯНИН И ОВЦА

Крестьянин позвал в суд Овцу;
Он уголовное взвёл на бедняжку дело;
Судья — Лиса: оно в минуту закипело.
Запрос ответчику, запрос истцу,
Чтоб рассказать по пунктам и без крика:
Как было дело; в чем улика?
Крестьянин говорит: „Такого-то числа,
Поутру, у меня двух кур не досчитались;
От них лишь косточки да перышки остались;
А на дворе одна Овца была“.
Овца же говорит: она всю ночь спала,
И всех соседей в том в свидетели звала.

Что никогда за ней не знали никакого

Ни воровства,

Ни плутовства;

А сверх того она совсем не ест мясного.

И приговор Лисы вот, от слова до слова:

„Не принимать никак резонов от Овцы:

Понеже хоронить концы

Все плуты, ведомо, искусны;

По справке ж явствует, что в сказанную ночь

Овца от кур не отлучалась прочь,

А куры очень вкусны,

И случай был удобен ей,—

То я сужу, по совести моей:

Нельзя, чтоб утерпела

И кур она не съела;

И вследствие того казнить Овцу,

И мясо в суд отдать, а шкуру взять истцу“.

ШУКА

На Шуку подан в суд донос,

Что от нее житья в пруде не стало;

Улик представлен целый воз,

И виноватую, как надлежало,

На суд в большой лохани принесли.

Судьи невдалеке сбирались;

На ближнем их лугу пасли;

Однакож имена в архиве их остались:

То были два Осла,

Две Клячи старые да два иль три Козла;

Для должного ж в порядке дел надзора

Им придана была Лиса за прокурора.

И слух между народа шел,

Что Шука Лисаньке снабжала рыбный стол;

Со всем тем, не было в судьях лицеприязни,

И то сказать, что Шукиных проказ

Удобства не было закрыть на этот раз.
Так делать нечего: пришло писать указ,
Чтоб виноватую предать позорной казни
И, в страх другим, повесить на суку.
„Почтенные судьи!“ Лиса тут приступила:
„Повесить мало: я б ей казнь определила,
Какой не видано у нас здесь на веку:
Чтоб было впредь плутам и страшно и опасно,—
Так утопить ее в реке“. — „Прекрасно!“
Кричат судьи. На том решили все согласно.
И Щуку бросили — в реку!

ЛЮБОПЫТНЫЙ

„Приятель дорогой, здорово! Где ты был?“
— „В Кунсткамере¹, мой друг! Часа там три
ходил;

Все видел, высмотрел; от удивленья,
Поверишь ли, не станет ни уменья
Пересказать тебе, ни сил.

Уж подлинно, что там чудес палата!
Куда на выдумки природа торовата!
Каких зверей, каких там птиц я не видал!
Какие бабочки, букашки,
Козявки, мушки, таракашки!
Одни как изумруд, другие как коралл!
Какие крохотны коровки!
Есть, право, менее булавочной головки!“
— „А видел ли слона? Каков собой на взгляд!?“
Я чай, подумал ты, что гору встретил?“
— „Да разве там он?“ — „Там“. — „Ну, братец,
виноват:

Слона-то я и не приметил“.

¹ Кунсткамера — музей.

ВОЛК И ЖУРАВЛЬ

Что волки жадны, всякий знает:

Волк, евши, никогда
Костей не разбирает.

Зато на одного из них пришла беда:
Он костью чуть не подавился.

Не может Волк ни охнуть, ни вздохнуть:
Пришло хоть ноги протянуть!

По счастью, близко тут Журавль случился.

Вот, кой-как знаками стал Волк его манить

И просит горю пособить.

Журавль свой нос по шею
Засунул к Волку в пасть и с трудностью большою
Кость вытащил и стал за труд просить.

„Ты шутишь!“ зверь вскричал коварный:

„Тебе за труд? Ах, ты, неблагодарный!“

А это ничего, что свой ты долгий нос

И с глупой головой из горла цел унес!

Поди ж, приятель, убирайся,

Да берегись: вперед ты мне не попадайся“.

ТРИШКИН КАФТАН

У Тришки на локтях кафтан продрался.
Что долго думать тут? Он за иглу принялся:

По четверти обрезал рукавов —
И локти заплатил. Кафтан опять готов;
Лишь на четверть голее руки стали.

Да что до этого печали?

Однакоже смеется Тришке всяк.
А Тришка говорит: „Так я же не дурак,
И ту беду поправлю:

Длиннее прежнего я рукава наставлю“.

О, Тришка малый не простой!

Обрезал фалды он и полы,

Наставил рукава, и весел Тришка мой,
Хоть носит он кафтан такой,
Которого длиннее и камзолы.

Таким же образом, видал я, иногда
Иные господа,
Запутавши дела, их поправляют;
Посмотришь — в Тришкином кафтане щеголяют.

ВОЛКИ И ОВЦЫ

Овечкам от Волков совсем житья не стало,
И до того, что, наконец,
Правительство зверей благие меры взяло
Вступиться в спасенье Овец, —
И учрежден Совет на сей конец.

Большая часть в нем, правда, были Волки;
Но не о всех Волках ведь злые толки.

Видали и таких Волков, и многократ, —

Примеры эти не забыты, —

Которые ходили близко стад

Смирнѣхонько — когда бывали сыты.

Так почему ж Волкам в Совете и не быть?

Хоть надобно Овец оборонить,

Но и Волков не вовсе ж притеснить.

Вот, заседание в глухом лесу открыли;

Судили, думали, рядили

И, наконец, придумали закон.

Вот вам от слова в слово он:

„Как скоро Волк у стада забуднит

И обижать он Овцу станет,

То Волка тут властна Овца,

Не разбираючи лица,

Схватить за шиворот — и в суд тотчас представить,

В соседний лес иль в бор“.

В законе нечего прибавить, ни убавить.

Да только я видал: до этих пор —
Хоть говорят: Волкам и не спускают —
Что будь Овца ответчик иль истец,
А только Волки все-таки Овец
В леса таскают.

ПАРНАС

Когда из Греции вон выгнали богов
И по мирянам их делить поместья стали,
Кому-то и Парнас¹ тогда отмежевали;
Хозяин новый стал пасти на нем Ослов.

Ослы, не знаю, как-то знали,
Что прежде Музы тут живали,

И говорят: „Недаром нас

Пригнали на Парнас:

Знать, Музы свету надоели,

И хочет он, чтоб мы здесь пели“.

— „Смотрите же“, кричит один: „не унывай!

Я затяну, а вы не отставай!

Друзья, робеть не надо!

Прославим наше стадо

И громче девяти сестер

Подыдем музыку и свой составим хор!

А чтобы нашего не сбили с толку братства,

То заведем такой порядок мы у нас:

Коль нет в чьем голосе ослиного приятства,

Не принимать тех на Парнас“.

Одобрили Ослы ослово

Красно-хитро-сплетенно слово;

И новый хор певцов такую дичь занес,

Как будто тронулся обоз,

В котором тысяча немазанных колес.

¹ Парнас — гора в Греции, на которой, по преданию, водили хороводы девять сестер-муз.

Но чем окончилось разно-красиво пенье?
Хозяин, потеряв терпенье,
Их всех загнал с Парнаса в хлев.

Мне хочется, невеждам не во гнев,
Весьма старинное напомнить мнение:
Что если голова пуста,
То голове ума не придадут места.

ОБЕЗЬЯНЫ

Когда перенимать с умом, тогда не чудо
И пользу от того сыскать;
А без ума перенимать —
И боже сохрани как худо!
Я приведу пример тому из дальних стран.
Кто Обезьян видал, те знают,
Как жадно всё они перенимают.
Так, в Африке, где много Обезьян,
Их стая целая сидела
По сучьям, по ветвям на дереве густом
И на ловца украдкою глядела,
Как по траве в сетях катался он кругом.
Подруга каждая тут тихо толк подругу,
И шепчут все друг другу:
„Смотрите-ка на удалца;
Затеял у него так, право, нет конца:
То кувыркнется,
То развернется,
То весь в комок
Он так сберется,
Что не видать ни рук, ни ног.
Уж мы ль на всё не мастерицы,
А этого у нас искусства не видать!
Красавицы-сестрицы!
Не худо бы нам это перенять.

Он, кажется, себя довольно позабавил;
Авось, уйдет, тогда мы тотчас...“ Глядь,
Он подлинно ушел и сети им оставил.
„Что ж“, говорят они: „и время нам терять?
Пойдем-ка попытаться!“

Красавицы сошли. Для дорогих гостей
Разостлано внизу премножество сетей.

Ну в них кувыркаться, кататься,

И кутаться, и завиваться;

Кричат, визжат — веселье хоть куда!

Да вот беда,

Когда пришло из сети выдираться!

Хозяин между тем стерег

И, видя, что пора, идет к гостям с мешками,
Они — чтоб наутёк,

Да уж никто распутаться не мог:

И всех их побрали руками.

ОСЕЛ

Когда вселенную Юпитер населял

И заводил различных тварей племя,

То и Осел тогда на свет попал.

Но с умыслу ль, или, имея дел беремья,

В такое хлопотливо время

Тучегонитель¹ оплошал:

А вылился Осел почти как белка мал.

Осла никто почти не примечал,

Хоть в спеси никому Осел не уступал.

Ослу хотелось бы повеличаться:

Но чем? имея рост такой,

И в свете стыдно показаться.

Пристал к Юпитеру Осел спесивый мой

И росту стал просить большого.

„Помилуй“, говорит: „как можно это снести?“

Львам, барсам и слонам везде такая честь:

¹ Тучегонитель — т. е. Юпитер.

Притом, с великого и до меньшого,
Все речь о них лишь да о них;
За что ж к Ослам ты столько лих,
Что им честей нет никаких,
И об Ослах никто ни слова?
А если б ростом я с теленка только был,
То спеси бы со львов и с барсов я посбил,
И весь бы свет о мне заговорил".
Что день, то снова
Осел мой то ж Зевесу пел;
И до того он надоел,
Что, наконец, моления Ослова
Послушался Зевес:
И стал Осел скотиной превеликой;
А сверх того ему такой дан голос дикой,
Что мой ушастый Геркулес
Пораспугал было весь лес.
„Что то за зверь? Какого роду?
Чай, он зубаст? Рогов, чай, нет числа?"
Ну только и речей пошло, что про Осла.
Но чем всё кончилось? Не минуло и году,
Как все узнали, кто Осел:
Осел мой глупостью в пословицу вошел.
И на Осле уж возят воду.

В породе и в чинах высота хороша;
Но что в ней прибыли, когда низка душа?

КРЕСТЬЯНИН И ЗМЕЯ

К крестьянину вползла Змея
И говорит: „Сосед! начнем жить дружно!
Теперь меня тебе стеречься уж не нужно:
Ты видишь, что совсем другая стала я
И кожу нынешней весной переменила".
Однакож Мужика Змея не убедила.

Мужик схватил обух
И говорит: „Хоть ты и в новой коже,
Да сердце у тебя все то же“.
И вышиб из соседки дух.

Когда извериться в себе ты дашь причину,
Как хочешь ты меняй личину:
Себя под нею не спасешь,
И что с Змеей, с тобой случиться может то ж.

ХМЕЛЬ

Хмель выбежал на огороде
И вокруг сухой тычинки виться стал;
А в поле близко дуб молоденький стоял.
„Что в этом пользы есть уроде,
Да и во-всей его породе?“
Так про дубок тычинке Хмель жужжал.
„Ну, как его сравнить с тобою?
Ты барыня пред ним одной лишь прямизною.
Хоть листьем, правда, он одет,
Да что за жесткость, что за цвет!
За что его земля питает?“
Меж тем, едва неделя протекает,
Хозяин на дрова тычинку ту сломил,
А в огород дубок пересадил.
И труд ему с большим успехом удастся:
Дубок и принялся и отпрыски пустил;
Посмотришь, около него мой Хмель уж вьется,
И дубу от него вся честь и похвала!

Такие ж у льстеца поступки и дела:
Он на тебя несет тьму небылиц и бредней;
И как ты хочешь, так трудись,
Но у него в хороших быть не лъстись;
А только в случай попадись, —
Он первый явится в передней.

МЕДВЕДЬ У ПЧЕЛ

Когда-то, о весне, зверями
В надсмотрщики Медведь был-выбран над ульями.
Хоть можно б выбрать тут другого поверней,

Затем, что к меду Мишка падок,

Так не было б оглядок;

Да спрашивай ты толку у зверей!

Кто к ульям ни просился,

С отказом отпустили всех,

И, как насмех,

Тут Мишка очутился.

Ан вышел грех:

Мой Мишка потаскал весь мед в свою берлогу.

Узнали, подняли тревогу,

По форме нарядили суд,

Отставку Мишке дали

И приказали,

Чтоб зиму пролежал в берлоге старый плут.

Решили, справили, скрепили,

Но меду всё не воротили.

А Мишенька и ухом не ведет:

Со светом Мишка распрощался,

В берлогу теплую забрался

И лапу с медом там сосет,

Да у моря погоды ждет.

ЛЯГУШКА И ВОЛ

Лягушка, на лугу увидевши Вола,

Затеяла сама в дородстве с ним сравняться:

Она завистлива была.

И ну топорщиться, пыхтеть и надуваться.

„Смотри-ка, квакушка, что, буду ль я с него?“

Подруге говорит. — „Нет, кумушка, далеко!“

— „Гляди же, как теперь раздуюсь я широко.

Ну, каково?

Пополнилась ли я? — „Почти-что ничего“.

— „Ну, как теперь?“ — „Всё то ж“. Пыхтела
да пыхтела,

И кончила моя затейница на том,
Что, не сравнявшись с Волом,
С натуги лопнула и — околела.

Пример такой на свете не один:

И диво ли, когда жить хочет мещанин,
Как именитый гражданин,
А сошка мелкая, как знатный дворянин.

ОХОТНИК

Как часто говорят в делах: еще успею.

Но надобно признаться в том,
Что это говорят, спросяся не с умом,
А с леностью своею.

Итак, коль дело есть, скорей его кончай,
Иль после на себя ропщи, не на случай,
Когда оно тебя застанет невзначай.

На это басню вам скажу я, как умею.

Охотник, взяв ружье, патронницу, суму

И друга верного по нраву и обычью,

Гектора, — в лес пошел за дичью,

Не зарядя ружья, хоть был совет ему,

Чтоб зарядил ружье он дома.

„Вот вздор!“ он говорит: „дорога мне знакома,

На ней ни воробья не видел я родясь;

До места ж ходу целый час,

Так зарядить еще успею я сто раз“.

Но что ж? Лишь вон из жила
(Как будто бы над ним Фортуна¹ подшутила),

¹Фортуна — у древних римлян богиня счастья, удачи.

По озерку
Гуляют утки целым стадом;
И нашему б тогда Стрелку
Легко с полдюжины одним зарядом
Убить,
И на неделю с хлебом быть,
Когда б не отложил ружья он зарядить.
Теперь к заряду он скорее; только ут и
На это чутки:
Пока с ружьем возился он,
Они вскричали, встрепонулись,
Взвились — и за леса веревкой потянулись,
А там из виду скрылись вон.
Напрасно по лесу Стрелок потом таскался,
Ни даже воробей ему не попадался;
А тут к беде еще беда:
Случись тогда
Ненастье.
Итак, Охотник мой,
Измокши весь, пришел домой
С пустой сумой;
А все-таки пенял не на себя — на счастье.

КРЕСТЬЯНИН В БЕДЕ

К Крестьянину на двор
Залез осенней ночью вор;
Забрался в клеть и, на просторе,
Обшаря стены все, и пол, и потолок,
Покрал бессовестно, что мог:
И то сказать, какая совесть в воре!
Ну так, что наш мужик, бедняк,
Богатым лег, а с голью встал такую,
Хоть по-миру поди с сумою;
Не дай бог никому проснуться худо так!
Крестьянин тужит и горюет,
Родню сзывает и друзей,
Соседей всех и кумовей.

„Нельзя ли“, говорит: „помочь беде моей?“

Тут всякий с мужиком толкует

И умный свой дает совет.

Кум Карпыч говорит:— „Эх, свет!

Не надобно было тебе по миру славить,

Что столько ты богат“.

Сват Климыч говорит:— „Вперед, мой милый
сват,

Старайся клеть к избе гораздо ближе ставить“.

— „Эх, братцы, это все не так“,

Сосед толкует Фока:

„Не то беда, что клеть далека,

Да надо на дворе лихих держать собак;

Возьми-ка у меня щенка любого

От жучки: я бы рад соседа дорогого

От сердца наделить,

Чем их топить“.

И, словом, от родни и от друзей любезных

Советов тысячу надавано полезных,

Кто сколько мог,

А делом ни один бедняжке не помог.

На свете таково ж: коль в нужду попадешься,

Отведай сунуться к друзьям:

Начнут советовать и вкось тебе, и впрямь;

А чуть о помощи на деле заикнешься,

То лучший друг

И нем, и глух.

ЛЕВ И БАРС

Когда-то, в старину,

Лев с Барсом вел предолгую войну

За спорные леса, за дебри, за вертепы.

Судиться по правам—не тот у них был нрав;

Да сильные ж в правах бывают часто слепы.

У них на это свой устав:

Кто одолеет, тот и прав,

Однако, наконец, не вечно ж драться —

И когти притупятся:

Герои по правам решились разобратся;

Намерились дела военные прекратить,

Окончить все раздоры,

Потом, как водится, мир вечный заключить

До первой ссоры.

„Назначим же скорей

Мы от себя секретарей“,

Льву предлагает Барс: „и как их ум рассудит,

Пусть так и будет.

Я, например, к тому определю Кота:

Зверек хоть неказист, да совесть в нем чиста.

А ты Осла назначь: он знатного же чина,

И, к слову молвить здесь,

Куда он у тебя завидная скотина!

Поверь, как другу, мне: совет и двор твой весь

Его копытца вряд ли стоят.

Положимся ж на том,

На чем

С моим Котишком он устроит“.

И Лев мысль Барса утвердил

Без спору;

Но только не Осла, Лисицу нарядил

Он от себя для этого разбору,

Примолвя про себя (как видно, знал он свет):

„Кого нам хвалит враг, в том верно проку нет“.

КРЕСТЬЯНЕ И РЕКА

Крестьяне, вышед из терпенья

От разоренья,

Что речки им и ручейки

При водополье причиняли,

Пошли просить себе управы у Реки,

В которую ручьи и речки те впадали,

И было что на них донести!

Где озими разрыты;
Где мельницы посорваны и смыты;
Потоплено скота, что и не счесть!
А та река течет так смирно, хоть и пышно;
На ней стоят большие города,
И никогда
За ней таких проказ не слышно:
Так верно, их она уймет,
Между собой Крестьяне рассуждали.
Но что ж? Как подходить к Реке поближе
стали

И посмотрели, так узнали,
Что половину их добра по ней несет.
Тут, попусту не заводя хлопот,
Крестьяне лишь его глазами проводили,
Потом взглянулись меж собой
И, покачавши головой,
Пошли домой.

А отходя, проговорили:
„На что и время тратить нам!
На младших не найдешь себе управы там,
Где делятся они со старшим пополам“.

РЫБЬЯ ПЛЯСКА

От жалоб на судей,
На сильных и на богачей
Лев, вышед из терпенья,
Пустился сам свои осматривать владенья.
Он идет, а Мужик, расклавши огонек,
Наудя рыб, изжарить их сбирался.
Бедняжки прыгали от жару кто как мог;
Всяк, видя близкий свой конец, метался.
На мужика разинув зев,
„Кто ты? Что делаешь?“ спросил сердито Лев.
„Всесильный царь! сказал Мужик, оторопев:
„Я старостою здесь над водяным народом;“

А это старшины, все жители воды;
Мы собрались сюды
Поздравить здесь тебя с твоим приходом".
— „Ну, как они живут? Богат ли здешний
край?"
— „Великий государь! Здесь не житье им—рай.
Богам о том мы только и молились,
Чтоб дни твои бесценные продлились".
(А рыбы между тем на сковородке бились.)
„Да отчего же", Лев спросил, „скажи ты мне,
Они хвостами так и головами машут?"
— „О мудрый царь!" Мужик отвечивал: „оне
От радости, тебя увидя, пляшут".
Тут, старосту лизнув Лев милостиво в грудь,
Еще изволя раз на пляску их взглянуть,
Отправился в дальнейший путь.

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
<i>И. А. Крылов</i>	4
Ворона и Лисица	5
Ларчик	6
Пустынник и Медведь	7
Крестьянин и Смерть	9
Волк и Ягненок	9
Лев на ловле	11
Слон на воеводстве	12
Слон и Моська	13
Синица	14
Лжец	15
Обезьяна	16
Стрекоза и Муравей	17
Петух и Жемчужное Зерно	19
Осел и Соловей	20
Свинья	21
Гуси	21
Ворона и Курица	22
Раздел	23
Волк на псарне	24
Обоз	25
Лисица и Виноград	26
Щука и Кот	28
Листы и Корни	29
Лисица и Сурок	30
Демьянова уха	31
Пруд и Река	32
Квартет	33
Добрая Лисица	35
Чиж и Голубь	37
Зеркало и Обезьяна	37
Туча	38
Волк и Лисица	38
Осел и Мужик	39
Скворец	40
Волк и Пастухи	41
Кот и Повар	41

	Стр.
Цветы	43
Мышь и Крыса	44
Трудолюбивый Медведь	45
Муравей	45
Две Бочки	47
Мельник	47
Лисица и Осел	48
Две Собаки	49
Лебедь, Щука и Рак	50
Кошка и Соловей	51
Осел	53
Волк и Кот	54
Пестрые Овцы	55
Белка	56
Кукушка и Петух	56
Мартышка и Очки	57
Собачья дружба	58
Свинья под дубом	60
Вельможа	61
Прохожие и Собаки	62
Крестьянин и Овца	62
Щука	63
Любопытный	64
Волк и Журавль	65
Тришкин кафтан	65
Волки и Овцы	66
Парнас	67
Обезьяны	68
Осел	69
Крестьянин и Змея	70
Хмель	71
Медведь у пчел	72
Лягушка и Вол	72
Охотник	73
Крестьянин в беде	74
Лев и Барс	75
Крестьяне и Река	76
Рыбья пляска	77

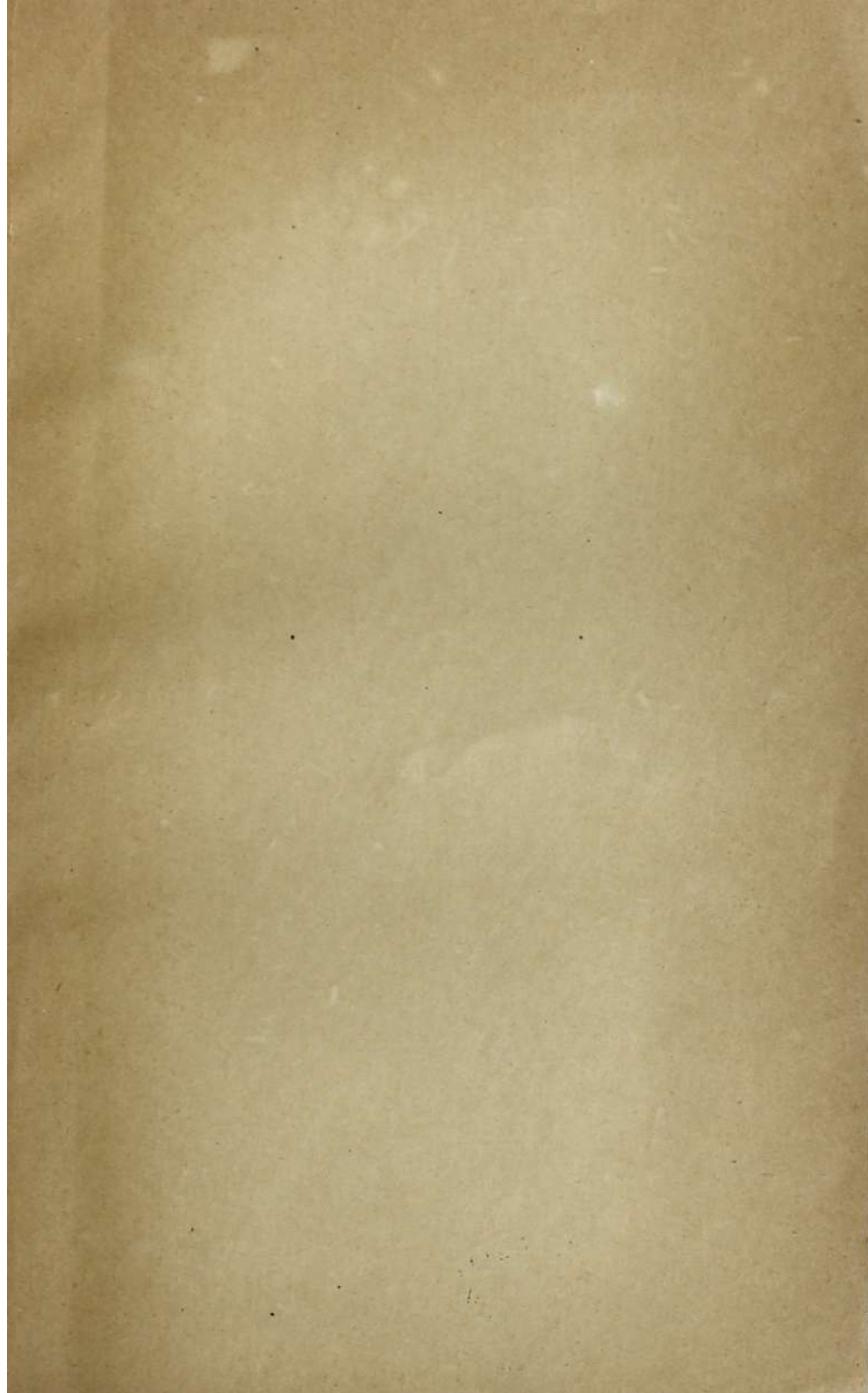
Редактор Д. Г. Прокофьев. Подписано к печати 23.X.1944 г. КЕ 17372.

Тираж 10000 экз. Печ. л. 5. Уч.-изд. л. 3,65.

Цена 3 р. 65 к. Отпечатано со стереотипа.

Типография издательства Ивановского облсовета депутатов трудящихся.
Иваново, Типографская, 4. Заказ № 4477.

3 руб. 65 коп.

